

ЛАБИНЦЫ И ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ

1920 г.

Группа Георгиевских кавалеров Русско-Турецкой войны 1877-78 гг. и урядников-гвардейцев на льоте Конвоя Российских Императоров — Александра 2-го, Александра 3-го и Императора Николая 2-го — одной из станиц Кубанского Войска. Снимок 1914 года.

БРОШЮРА №.....2.....

Нью-Йорк. 1962 г.

Л А Б И Н Ц Ы
И
ПОСЛЕДНИЕ ДНИ НА КУБАНИ. 1920г.
/ брошюра № 2-й /

О Г Л А В Л Е Н И Е

- 1.- Положение на фронте в начале февраля 1920 года.
- 2.- В станице К а в к а з с к о й,
- 3.- 6-я сотня хорунжаго М е р е м ь я н и н а 1-го.
- 4.- На своей "старой улице"...
- 5.- "В е д ь м а". . . .
- 6.- В пулеметной команде. Станичники.
- 7.- Набег красных на станицу Темижбенскую.
- 8.- "Последнее Прости" со станицей и семьей. . . .
- 9.- Одна н е н о р м а л ь н о с т ь
- 10.-Полковая пулеметная команда,
- 11.-Прорыв красной конницы.
- 12.-Штаб-трубач Василий Д и д е н к о.
- 13.-В нашем доме. Последняя радость. . .
- 14.-В штабе своей дивизии.
- 15.-Кроки прорыва красной конницы в тыл 2-го Кубан-
ского корпуса и контр-атака 1-го Лабинского пол-
ка 20-го февраля 1920 года у станицы Дмитриевской.

— • —

Цена брошюры 1 доллар,выписывать по адресу:

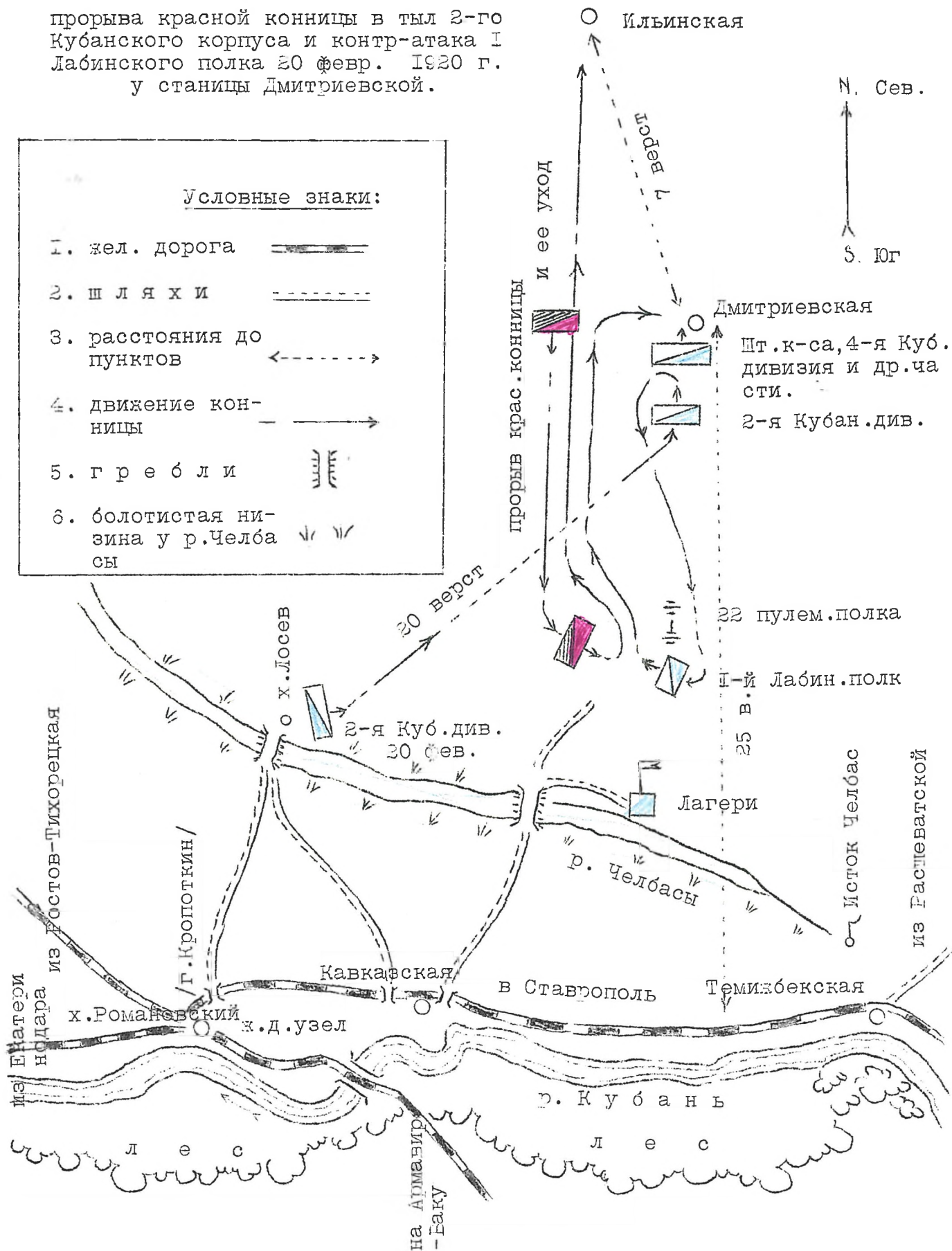
Theodore Elyseev, 502 W. 177 St., Apt. 1 C
New York 33, N.Y.

К Р О К И

прорыва красной конницы в тыл 2-го Кубанского корпуса и контр-атака 1 Лабинского полка 20 февр. 1920 г. у станции Дмитриевской.

Условные знаки:

1. жел. дорога —————
2. ш л я х и - - - - -
3. расстояния до пунктов <----->
4. движение конницы —————>
5. г р е б л и
6. болотистая низина у р. Челбасы

ПОЛОЖЕНИЕ НА ФРОНТЕ В НАЧАЛЕ ФЕВРАЛЯ.

Неудачная операция Донской конной группы генерала Павлова под Торговой 5 и 6 февраля 1920 года против 1-й Конной армии Буденного, поражение пластунов 1-го Кубанского корпуса 8 и 9 февраля под Песчанокотской и Белой Глиной, а главное - трагическая гибель всего штаба этого корпуса во главе с командиром генералом Крыжановским, произвели тяжкое впечатление на войска этого участка фронта.

Наш 2-й Кубанский конный корпус генерала Науменко, находясь 9-го февраля в селении Красная Поляна той-же Ставропольской губернии - оказался изолированным и вынужден был к поспешному отступлению на юго-запад под давлением красных - 32-й стрелковой дивизии с фронта, 39-й стрелковой дивизии угрозе правого фланга корпуса и удара с севера Отдельной кавалерийской бригады Курьшко /так написана эта фамилия в книге красного маршала Семена Буденного, под заглавием "Пройденный Путь"/.

В Красной армии, кавалерийские бригады были трех-полкового состава. В Кубанском-же Войске - они оставались, как и раньше, двух-полкового состава.

Описание этих двух трагических операций, Донской конной группы генерала Павлова и 1-го Кубанского корпуса генерала Крыжановского, помещено подробно в трех книгах, а именно: - "Трагедия Казачества" том №4, "Русская Вандея" Донского Войска генерала Голубинцева и "Пройденный Путь" красного маршала Буденного.

Несмотря на политическую разность авторов этих трех книг - картина описаний боевых действий не идет в похвалу руководителям Казачьих корпусов и особенно ярко высказался о причинах этих неудач, участник боев, командир Отдельной 14-й Донской бригады генерал-майор Голубинцев, непожалевавший для этого красок. Будущему беспристрастному историку эти три книги оставили богатейший материал.

Как описано мною в брошюре №1-й "Лабинцы и последние дни на Кубани" - 2-й Кубанский корпус, после незначительного боя западнее села Красная Поляна - оторвавшись от противника - в два перехода, через станицы Успенскую и Дмитриевскую - 11-го февраля вошел в станицу Кавказскую и всеми 8-ю полками, расположился по квартирам.

Об этих днях, генерал Деникин пишет: - "Кубанская армия расплылась... К 10-му февраля, разрозненные остатки Кубанской армии сосредоточились в трех группах -

- 1.-В районе Тихорецкой 600 бойцов,
- 2.-В районе Кавказской 700 и
- 3.-Небольшой отряд генерала Бабиева прикрывал еще Ставрополь/"Очерки Русской Смуты", том 5, стр.318/.

Эти сведения Главнокомандующего генерала Деникина не точны. В книге "Трагедия Казачества", на стр.273 и 274, том 4-й, сказано:

"Группа войск генерала Шифнер-Маркевича, получившего название 1-го Кубанского корпуса, имея 1.000 пластунов в районе Тихорецкой и Терновской станиц и 600 пластунов на станции Тихорецкой - успешно защищала район узловой станции Тихорецкой"

В нашем-же 2-м Кубанском корпусе, только одна Лабинская бригада имела в строю 950 пашек, не считая пулеметных команд и сохранила полностью свою боевую стойкость. В остальных 6-ти полках корпуса, было до 1.000 пашек.

Под Ставрополем-же - действовал 4-й Кубанский конный корпус генерала Писарева /родом Донской казак/, в который входили - 3-я Кубанская казачья дивизия генерала Бабиева, Червесская конная дивизия генерала Султан Келеч Гирея и остатки Астраханской казачьей дивизии.

Для точности, сообщается, что дивизия генерала Бабиева состояла из четырех полков.

- 1.- Корниловский конный Войскового Старшина Владимира Безладнова,
- 2.- 2-го Сводно-Кубанского полковника Игната Лиманского,
- 3.- 1-го Хоперского полка полковника Михаила Саломехина,
- 4.- 2-го Хоперского полка /командира не знаю, Ф.Е./ и
- 5.- Волчьего дивизиона есаула Колкова, имени генерала Шкуро.

Кроме этих частей Кубанской армии - в составе Донской армии, действовал 3-ий Кубанский корпус генерала Топоркова, но из каких полков он состоял - нигде не указано. Как нигде не указано и ненаписано ни дом - куда входили тогда следующие полки Войска? -

- 1 и 2-й Запорожские,
- 1 и 2-й Уманские,
- 1 и 2-й Полтавские,
- 1 и 2-й Таманские,
- 1 и 2-й Екатеринодарские и
- 1 и 2-й Линейные?

В какие дивизии они входили и кто командовал - и этими полками и дивизиями? - нигде об этом ненаписано.

2-й Кубанский конный корпус, расположившись в станице Кавказской, имел восточнее себя 4-й Кубанский конный корпус в Ставропольском районе, до которого было свыше 120-ти верст по железной дороге. На сев.-сев-запад от себя, до станции Тихорецкой, до войск ген. Шифнер-Маркевича, имел 60 верст расстояния. Кроме телефонной и телеграфной связи - живой связи, между ними не было, и быть не могло, по дальности расстояний.

Штаб же Кубанской армии генерала Шкуро находился в вагонах на станции Усть-Лабинской, т.е. - 80-ти верстах по грунтовой дороге до станции Тихорецкой, в 80-ти верстах от станции Кавказской /хутор Романовский/ и в 200 верстах по жел. дороге до Ставрополя, где действовал 4-й Кубанский конный корпус.

Прикидывая эти расстояния - трудно представить реальное и полезное управление в боях своими, так широко по фронту расброшенными, корпусами из штаба Кубанской армии, так поздно сформированной, оформленной.

Генерал Деникин, в своих описаниях, не жалуется Кубанских казаков тех месяцев упадка духа всего войска, словно от Кубанского Войска зависило спасение всей России. Им же назначенный командующим Кубанской армией генерал Шкуро был смещен и назначен генерал Улагай. В своем приказе от 14 февраля 1920г. он пишет:

"По Казачьим Войскам: - назначается состоящий в резерве при штабе Главнокомандующего Вооруженными Силами на Юге России генерал-лейтенант Улагай - Командующим Кубанской армией. Командующий Кубанской армией генерал-лейтенант Шкуро - откомандировывается в мое распоряжение с сохранением содержания по последней должности". /Трагедия Казачества" том 4. стр. 262

Сам же генерал Деникин об этом пишет: - "Шкуро был вскоре смещен генералом Улагаем, доблестным воином, чуждым политике и безупречным человеком, но - и его никто не слушал" /стр. 313. том 5-й. /От себя добавим: - тогда многие старшие не слушались своих начальников, не только рядовые воины.

В СТАНИЦЕ КАВКАЗСКОЙ.

Оторвавшись от противника и расположившись широко по квартирам - полки корпуса спокойно отдыхали ровно четыре дня. В эти дни усиленно работало Управление Кавказского Отдела и штаб казачьего корпуса по приведению в порядок пластунов и Кавказских полков - 1-го и 2-го.

За успешность работы - исполнявший должность Атамана Кавказского Отдела Войсковой Старшина И.И.Забей-Ворота, был произведен в чин Полковника, несомненно, по ходатайству командира корпуса генерала Науменко.

Были и еще отрадные явления:

1.- Через три дня, в станицу вернулся раз,езд хорунжаго Михаила Копанеза, высланный мною еще из Красной Поляны на северо-запад для связи с частями 1-го Кубанского корпуса, который считался "погибшим", т.к. корпус безостановочно отходил все три дня до Кавказской.

2.- На усиление корпуса, сюда прибыли 4-й Лабинский и 4-й Линейный полки, но незначительного состава.

3.- В 1-й Лабинский полк прибыло пополнение конных казаков числом свыше 120-ти человек.

4.- По Красной улице, с молодецкими солдатскими песнями "в ногу", вошел Гренадерский батальон до полутора-ста человек. "Батальон Чести" назывался он, т.к. был составлен из солдат, бывших во Франции и недавно вернувшихся на Родину через Новороссийск. Видом они были очень молодецкие, просто brave. Желтые их погоны на шинелях, желтые околыши на фуражках и петлицы на мундирах - радовали глаз зрителя. Несмотря на грязь и слякоть - они шли бодрым шагом, весело и игриво с залихватскими своими песнями, видимо так давно и долго, и знакомых им и любимых ими. Своим видом, они хотели, думаю, шегольнуть перед казачками.

В общем, в эти дни, станица Кавказская была переполнена казаками. Жизнь бурлила так, словно красных и не было "у порога". Даже исправно работала Отдельская военно-ремесленная школа, начальником которой был старый полковник Каменский. Генерал Науменко сделал ему визит со мною и получил от него в подарок плетть работы его казаков.

Такая тихая жизнь в станице шла до 16-го февраля, когда красными была сделана демонстрация на станицу, а хутор Романовский заняла бригада 39-й стрелковой красной дивизии, о чем описано в брошюре № 1-й.

6-я СОТНЯ ХОРУНЖАГО МЕРЕМЬЯНИНА 1-го.

На второй день 17 февраля, жители станицы ликовали. 1-й Лабинский полк спрягался ими всеми похвальными терминами, как спасители их от красного нашествия. Тротуар Красной улицы против штаба корпуса был заполнен пленными красноармейцами, как наглядный факт доблести Лабинцев. После обеда, верхом еду в расположение полка, чтобы осмотреть все упряжки и о в н х 18-ти пулеметов, захваченных вчера у красных. На широкой улице-площади, недалеко от Войсковой больницы, у двора старика Осипа Белоусова, вижу большой гурт казаков, поющих песни.

"6-я сотня!.. СМЕРЬ-НО-О!" - слышу команду и вижу выскочившего вперед хорунжаго Меремьянина.

"Здорово молодецкая шестая!" - под,ехав рысью, произношу им.

"Здрав-вия жел-лаем, господин полковник!" - ответило около ста голосов, сильных и возбужденных событиями, гордых и достойных, с полным сознанием своего молодечества и безудержным желанием воевать для защиты своей Кубани-Матери.

"Что делаете?" - спрашиваю моложавого, очень стройного, светлаго блондина с веснушками, и очень приятного на вид хорунжаго Меремьянина, которому было, думаю, не свыше 22-х лет от роду.

"От нечего делать - поем песни и танцуем, господин полковник!" весело отвечает он.

Такой ответ командира сотни, видимо, очень понравился его казакам. Они с доброю улыбкою смотрят на меня и ждут чего-то. Казаки все с обветренными лицами и очень солидные в летах. И их командир сотни, против них, кажется совершенным мальчишкой.

"Из каких станиц состоит Ваша сотня?" спрашиваю Меремьянина.

"Да все они, господин полковник, мои станичники... из Константиновцев". Меня это очень заинтересовало.

"Слушаются-ли они Вас?" - нарочно спрашиваю его. Беленький, чистенький, краснощекий - хорунжий еще больше краснеет в лице и с улыбкой отвечает:

"Так точно, господин полковник" - поняв мою шутку.

"Господин полковник!... мы все, вся сотня одной станицы.. и мы сами за этим следим. И пусть попробует кто ослушаться нашего хорунжаго!..." - вдруг говорит мне, очень чистый лицом, с усами и бритой головой, нарядный казак лет 35-ти, стоявший рядом с хорунжим Меремьяниным. Я понял, что это был иль взводный урядник, а м. быть и вахмистр сотни. А он, словно желая подчеркнуть свой вес в сотне - продолжал:

"Хорунжий - он наш. Да нас, Меремьяниных здесь, почти целая полусотня. И все родня. А я - его родной дядя. Вахмистр и взводные - все станичники". Я вижу, что после этих слов, видимо, самого вахмистра сотни, спрашивать дальше не следует "о состоянии сотни".

"Ну, так тогда, отшкварте мне свою Лабинскую лезгинку" - весело говорю.

"Слушаюсь, господин полковник", отвечает Меремьянин хорунжий и забыв, что тут стоит "его родной дядя" - он уже командует:

"Ну-ка!... Круг!... И начинай!" И казаки запели протяжно "Горе нам, Фе-зи к нам, с войском стремитъя"... и когда дошли до "дэл-ла" - командир сотни, хорунжий Меремьянин - сам "первым" понесся в лезгинке.

"Довольно, братцы!... Молодцы!... Больше слов для Вас не нахожу... Спасибо за все! Но я должен посмотреть и другие сотни" - весело бросаю в их широкий круг и, нажав на тебенюки седла, широкой рысью отошел от этой оригинальной и прекрасной сотни-Константиновцев.

НА СВОЕЙ СТАРОЙ УЛИЦЕ. . . .

Я в, ехал в свою старую улицу, где родился, жил и учился до 16-ти лет. И как она теперь узка, крива и буднична... А когда-то казалась мне, в детстве - "лучшей из всех улиц станиц"...

Судьбе было угодно, что последние дни Трагедии Кубани, я провел-бы в своей родной станице в 1920-м году, которую не вижу, вот уже, 43-й год....

Судьбе было угодно, что в те дни, я встретил бы в своей станице очень многих дорогих своих станичников, от млада до старшаго, которых, видимо, уж не увижу никогда. . . .

Судьбе было угодно, что эти памятные дни я провел-бы в доме своего отца, в кругу своей семьи, которых уж не увижу н и к о г д а . . . Все погибли. Рухнул и отцовский дом. Кругом пустырь, пустырь, духовный пустырь, который мраком черной грусти, порою преследует меня во сне...

Когда любимое существо умирает "за-глаза" - его очень жаль. Но когда то-же любимое существо умирает на твоих глазах, да еще трагически - жалость эта н е з а б ы в а е м а . Вот почему и рисуются многия картинки, как исповедь человеческой души, как глубочайшая трагедия, которая н е з а б ы в а е м а .

Кубанская Войсковая История должна знать не только что боевые дела ее храбрых полков и доблестных своих сынов Кубани, но должна знать казачество тогдашнего исключительного времени, которая неповториться н и к с г д а .

В своих брошюрах я фиксирую лишь то, чему сам был живой свидетель и участник.

В дни поражений, в месяцы падения духа всех Белых армий начала 1920г. - 1-й Лабинский полк проявил исключительную боевую стойкость, воинскую преданность и послушание, о которых, как их Командир - должен засвидетельствовать.

Не сомневаюсь, что были и другие Кубанские полки, равные храбрым Лабинцам, но - для Войсковой Истории - пусть о них напишут их офицеры и Командиры.

— • —

И так - я в, ехал на свою старую улицу, на западной окраине станицы, где родился.

Было после-обеденное время. Снегу было мало. Было слегка морозно. Стояло теплящееся весеннее солнышко перед масляницей, почему, "от нечего делать", - народ был на улице, на бревнах и заваленках возле своих дворов.. А может быть это был праздничный день?

Я в, ехал в родную улицу и она взбудоражилась.... Должен подчеркнуть, что эта часть станицы называлась "хохловка", т.к. она была населена после Севастопольской кампании 1854-55гг. Малороссийскими казаками. Вот их фамилии в порядке дворов: - Недай-Каши, Бондаренко, Романенко, Рябченко, Горошко, Крупа, Белич, Ляшенко, Переяславец, Джендо, Морозко, Опас, Диденко, Стабровский, Шокол, Лала, Торгаш, Писаренко, Друзенко, Катенятка, Сабельник. Семьи разрослись и однофамильцев уже было несколько дворов. И среди них, только 2-е фамилии "старожилов" из Донских казаков, к которым принадлежала и наша семья деда, переселившись сюда после пожара станицы. Прадед-же Фома Иванович Елисеев /по-станичному "Алисеев"/ имел большое подворье у станичных укреплённых ворот времен Кавказской войны, которое и сгорело. В семье та улица, называлась "наша старая", идущая параллельно с Красной улицей.

Из отцов Малороссийских казаков я застал уже взрослым мальчиком только Романенко и Горошко, как и постройки "их хат", глубоко во дворе. Они говорили старинным Шевченковским языком, т.к. много не знали. Но их дети, сверстники нашего отца и старше его, уже говорили Донским наречием, как первых поселенцев здесь. И - начались встречи...

Вот братья Романенко и Рябченко. Из 1-го Кавказского полка, из Мерва-Кушка - они пришли на льготу, когда я был учеником 2-х классного училища.

Все были brave казаки, лихачи. Теперь все четверо уж бородатые казаки. А их жены, тогда слегка фривольные казачки в отсутствии своих мужей "на действительной службе далеко "в Закаспии" — теперь уж пожилые скромные женщины. Сыновья же их, тогда подростки — теперь находятся в строю 1-го Кавказского полка. Так прошло "незаметно" время....

Многочисленное, хозяйственное и оч. трудолюбивое семейство Горошко, увидев меня — валом валит к моему седлу. Они были непосредственными соседями слева. Я с любопытством рассматриваю взрослых мальчиков Горошко, совершенно неведомых мне. Их мать, кума нашей матери, заметив это, поясняет с некоторым украинским акцентом:

"А оцэй — сверстник Вашему Васи... а оцэей — Миши". Я смотрю на них, на мальчиков лет 16-ти и 14-ти и мне стало так тяжело на душе, и грустно. Значит, и мои меньшие братья, Вася и Миша, умершими в младенчестве, были бы такими большими?!/. И как отец гордился тогда, говоря при случае: — "У меня пять сыновей!... да я — это, ведь шесть паев земли... 48 десятин. Вот тогда я начну богатеть!"... И не дождался этого наш дорогой отец.

Работая в степи, мать выкупала их теплой водой, но дохнул ветерок, они простудились и... умерли. Нас осталось только трое. Все стали офицерами, за что красные и разстреляли отца после восстания в марте 1918 года.

"Здравия желаю, господин полковник!", слышу знакомый голос позади себя. Обращиваясь и вижу друга детства, самого близкого и дорогого мне, их второго сына Алексея.

"Алексей?!... Здравствуй дорогой!... жив, здоров?" восклицаю.

"До-ома", протянул он.

Он меня видит в чине полковника впервые. С 1912 года в 1-м Кавказском полку в Мерве. Отличный казак, отличный у него конь, но он совершенно малограмотный, почему и не попал в учебную команду. Но как отличного казака и на отличной лошади — полк командировал его в бригадную пулеметную команду в Асхабад, где находилась эта команда при 1-м Таманском полку. Всю войну на Турецком фронте провел пулеметчиком. Видел его, как на карьере, с пулеметом системы "Максима" на вьюке, они выскочили по каменьям на возвышенность, мигом сорвали пулемет с вьючного седла и немедленно же открыли огонь против турецкой пехоты. В Кавказском восстании был самым надежным пулеметчиком у брата. Нас разбили. С тех пор я его не видел. Вот почему и приятна так была встреча.

"Федор Ваньч!" обращается он ко мне уж по-станичному. "У Вас в полку много пулеметов, отбитых вчера у красных. Позвольте мне и Ивану Коробченку поступить в Ваш полк пулеметчиками. Вы же знаете, что мы старые пулеметчики еще с Турецкого фронта".

"Канешна, канешна", отвечаю ему. "Явитесь к начальнику команды есаулу Сапунову и доложите, что я согласен".

"Да мы уже были у него. Он и сам рад, когда узнал, что мы старые пулеметчики. К тому же, мы вступим на своей линейке и со своей упряжкой, только дайте нам один пулемет" — докладывает он.

Дорогое наше казачество!... всегда и всюду мой поклон тебе до земли за твою жертвенность.

Семья Горошко зовет меня войти в дом отведать хлеба-соли. Говорю, что это невозможно.

"Дн, хуть посмотреть "святой угол" Федор Ваньч", упрашивают они. Но я лично знаю, что значить "посмотреть святой угол". Легко войти в дом, а там уже "замотаются" бабы-снохи у печи, побегут в погреб и... хочешь не хочешь садишься за стол, ешь, пей и — скоро уйти уж нельзя будет.

Доказал и рысью двинулся дальше вдоль улицы. А у ворот стоит наш сосед

"напротив", маленький рыженький Иван Крупа. Он окончил действительную службу так же давно, когда я был мальчишкой. Ему теперь свыше 40 лет. Он такой же маленький, но с рыжей небольшой бородой. Увидев меня, - выскочил на середину улицы, разставил руки в стороны, затормозил мне дорогу и все тем же мягким голосом заговорил:

"Федор Ваннч - здравия желаю Федор Ваннч, господин полковник! Как приятно, как радостно Вас видеть! Заезжайте, заезжайте к нам во двор" и взял мою кобылицу под уздцы, словно боясь, что я проеду дальше.

"Здравствуйте Иван Романович", вторю ему. "Очень приятно повидать близкого соседа, но заехать не могу, некогда".

"Да, как-же эта так?.. ну хуть на минутку.. я сейчас скажу жене и она приготовить что-нибудь"

Отказываюсь и здесь, но спрашиваю - "Как жена, как дочка Галина?" Оказывается, не только что их единственная дочка Галина, подросток тогда, но и все ее сверстницы - Фекла Рябченко, Агрося Горюшко, Марина Епиха, Дуныш-на Белич не только что все вышли давно замуж, но уже и имеют детей. Все это было так странно знать, т.к. сам был еще холост и мне думалось, что в этом холостецком положении остановился и весь мир.

Правее меня стоит наше старое подворье, которое отец продал в 1907г. и купил новое на Красной улице. Я давно хочу посмотреть на него и Иван Романович Крупа меня понял.

"Хотите посмотреть на свою родину?" спрашивает он и я с ним поворачиваюсь "на север".

Из всех отцовских построек, осталась лишь кухня с длинным сараем вдоль улицы, да колодец во дворе. Все остальное абсолютно новое, чуждое и ничего не говорит моему сердцу. Нет и нашего роскошного фруктового сада. Он весь выкорчеван и превращен в огород. Хотя выкорчеваны все сады и у соседей и позади построек - голое поле у всех. Задн двух улиц спускались в балку, по которой тянулась широкая и глубокая канава для стока воды в станичный став. Эти задн были заросшие акациями, бузиною, крапивою и разным бурьяном, куда нам детям страшно было ходить, т.к. там должны водиться волки, ведьмы и другие разные чудовища. Переселившись на Кубань из Украины - жители перенесли сюда и все украинские поверья. Вера в леших, в домовых, в ведьм и в русалок - наполняли наше детство. И вот, эти бывшие заросшие "задн" дворов теперь полностью очищены и потеряли свою прелесть во все страшные поверья. Такая жалость. Словно вырвали из груди часть моей жизни.

ВЕДЬМА . . .

От Крупы я еду к полковнику Булавинову, в штаб своего полка, который помещается в очень богатом доме вдовы Белич, наши соседи справа. Наша семья не особенно дружила с косоногим стариком Белич, сверстником нашего деда Гавриил Фомича. Уж больно он был лют ко всем людям. Овдовев - он женился на молодой вдове с детьми. От нового брака швылились новые дети. Вторая жена годилась ему в дочери. У нея было что то цыганское. Жила замкнуто. О ней соседки говорили, что она "тоже ведьма", но пока молда, еще ничего, но когда постареет - будет настоящая ведьма. Но она и теперь иногда выходит по ночам доить чужих коров, хотя у них и своих много. Слышав это, мы дети, верили этому и сторонились ее. А в ее тихой поступи, словно крадучись, мы видели настоящий "признак ведьмы". И не без смущения я вошел в дом вдовы Белича /старик давно умер/, невидя ее хозяйшки 13 лет.

Полковник А.П.Булавинов встретил меня очень внимательно.Он был оч. приятный человек в жизни.Я быстро осмотрел "залу",где он помещался,так мне хорошо знакомую и нашел,что ничего не переменялось в этом большом доме.

"Ну как хозяйшка?" спрашиваю его затаенно,ожидая от него соответствующего ответа,что у нея что-то "от ведьмы".

"Очень хорошая женщина... так внимательно ко мне.Всего вдоволь...закормила",отвечает он.И добавляет: - "Да оказывается,Федор Иванович,Вы были их ближайшими соседями?Она так много спрашивала о всем Вашем семействе и,прямо таки не верит,что вот "Федя командует нашим полком"."Давно-ли он был мальчиком?" - говорит она.

Мы с Булавиновым дружески улыбаемся на это и я иду поздороваться с нею.

Через знакомую столовую и спальню,окном в наш бывший двор,иду на кухню.Увидев меня - навстречу поднялась она,"ведьма"...

Боже!..какие у нея добрые и красивые глаза!Она очень печальная,но увидев меня - так мило - глаза так мило,так ясно прояснились.Ей,как и нашей матери под 50 лет,но она мельче ростом почему кажется свежее.

"Здравствуйте тетенька",говорю ласково ей,обнимаю и целую в губы.

/Примеч.: в станице целуют только в губы/.

"Федюшка-а... ды какой же ты ста-ал?!...а я все не верила - неужли это ты полка командир?И все спрашивала нашего квартиранта,полковника - уж не ошибается-ли он? И вот - правда... Ну чем же тебя потчевать? Все ведь у нас есть",говорит-причитает она ласково.

Я отказываюсь и здесь.К тому же мне стыдно стало,что так несправедливо говорили и внушали нам,что "Беличиха - ведьма".

Вижу и здесь мальчика лет 14-ти.

"А это наш Трофимка...што сверстник Вашему Миши.Мы с Петровнушкой /нашей матерью,Ф.Е./ вместе тада /тогда/ рожали",поясняет она.

Слыша это - скорбь вновь обуяла мою душу по умершим младшим братьям.

В ПУЛЕМЕТНОЙ КОМАНДЕ. СТАНИЧНИКИ.

Во дворе вдовы тетеньки Белич,с Булавиным и есаулом Сапуновым,мы осматриваем свою полковую пулеметную команду в 22 пулеметов системы "Максима" на линейках.4 пулемета из18-ти,захваченных вчера у красных,генерал Науменно просид дать в какой-то другой полк. Команда получается очень сильная,но есть захудалые лошади в упряжке.Сапунов,фанатик-пулеметчик из урядников мирного времени,просит меня воздействовать на своих станичников "обменять некоторых лошадей,может быть с додацией денег". Я отлично знаю,что "менять лошадей у казаков" - операция совершенно невозможная. Кубань - это не Ставропольская,иль какая другая русская губерния,где это можно было делать "в порядке победителей". А пока мы находились во дворе - у ворот Белич собралась толпа людей.Весть о том,что приехал сюда сам командир полка "Федя Алисеев",как нас называли в станице - быстро стала известна всем.

Ну, - кому нехотелось повидать его,родного и близкого им человека,теперь полковника и "полка командира" по-станичному,которого все знали с пленок! И я вышел к ним с Булавиным и Сапуновым.

"Здравия желаем,Федор Ваньч",прогудела толпа и многие потянулись руками к папахам,в знак приветствия.Тут были и те,коих я уже проехал раньше.Впереди стояли "старики",сплошь сверстники нашего отца,т.е.мужи в 50 старше и младше лет.Я всем жму руки и каждому стараюсь сказать ласковое слово.Все ведь знают и меня и всю нашу семью насквозь.Здесь уж недьзя

показать себя не только что "командиром полка", но и начальником. Станичный быт осудит это.

На мое обращение к ним помочь обменять лошадей - многие немедленно же согласились. По вчерашнему бою у хутора Лосева - 1-й Лабинский полк возсиял в их сердцах как героический полк.

Стоявший позади всех дяденька Переяславцев, образцовый хозяин на всю улицу, многосемейный, старший сын у которого вернулся со службы приказным вместе с Иваном Крупа - молча пошел к себе во двор, вывел в поводу двух сытых лошадей из шести, подвел ко мне и говорит:

"Федор Ваньч... Вы знаете как я люблю лошадей... и что у меня никогда не было ни плохих, ни худых. Для родной Казачьей армии, для Вашего полка, для Вас, ради Вашего покойного Папы, которого мы все так любили и уважали - вот Вам пара моих лошадей бесплатно".

"Господин полковник - так позвольте же нам троим поступить в Вашу пулеметную команду", опять спрашивает меня Алексей Горошко, друг детства.

"Кто-же это трое?" улыбаясь спрашиваю его.

"Ды, вот, я, Иван Коробченко и дядя гвардеец Протопопов. У нас своя линейка с упряжкой а дяденька Протопопов верхом на своем коне".

Протопопов, урядник Конвоя Его Величества, пришел на льготу из Петербурга давно, когда мы были с Алексеем мальчиками. Высокий стройный брюнет с густой черною окладистой бородою теперь... Здорово они кутили тогда сверстники - братья Рябченко, Романенко, Крупа и др. по его прибытию. А он, крупный и красивый, в красном "шалоновом" бешмете гвардейца, красный от вина, не раз затягивал любимую песню в станице -

"Я рожден для службы Царской,
И люблю кровавый бой..."

Кутили они во дворе и мы мальчики, воспитанные в духе необходимой Казачьей Царской службы - влюбленно смотрели на них в щелки забора. С тех пор я его не видел.

"Разве Вы дяденька Прот-в подлжете мобилизации?" спрашиваю я гвард. урядника, стоявшего скромно в толпе.

"Да нет, господин полковник", отвечает он, "но я не хочу мириться с большевиками".

Эта тройка пулеметчиков в строю была самою нарядною и лучшею. Фанатик-пулеметчик есаул Сапунов, был от нея в восторге.

Все ликовали и все думали - "теперь большевикам несдобровать". И мое посещение полка вылилось в местный уличный патриотический под, ем населения. Ощущать все это мне было очень радостно, хотя я и знал, что станицу свою, мы, все-же, оставим.

Радостно разстроенный, под возгласы толпы, под маханье папахами, под радостные слезы казачек - что бы не томить душу себе и им - широким наметом оторвался от них дадыше на запад по улице, что бы домой вернуться по параллельной "Сабельниковой улице".

"Федор Ваньч, загляните к нам", просит меня мой новый вестовой-станичник, штаб-трубач Василий Диденко, до дома которого было саженьей сто.

"Поезжай Василий сам... отдохни, а к вечеру прибудь ко мне", ответил ему и сам, широкой рысью, двинулся теперь на восток, домой, по другой улице.

И здесь было все мне знакомо с детства. Два двора Друзенко, два двора Катинятка, два двора Сабельниковых, вот 2-х этажная Войсковая больница, дом полковника Грамотина, дом хорунжаго Мачнева, который был ранен при гибели Императора Александра 2-го, сидя на козлах рядом с кучером, тогда

будучи урядником. Получив чин хорунжаго и какое-то денежное вознаграждение, сам он казак станицы Ильинской, - переселился в нашу станицу, построил богатый кирпичный дом и жил замкнуто "барином".

Что-бы оторваться от приятных, так острых, так волнующих воспоминаний своего далекого и невозвратного милого детства - через площадь - я перевел свою застоявшуюся кобылицу в широкий намет,дохнул в себя ветром воздух и под мелкий дождик навстречу мне - остановил ее только у ворот своего дома.

Прощай... Прощай не только что невозвратное детство, но абсолютно все те казачьи семья с котрыми я только что говорил и которых уж больше никогда не увидел.

Тогда я и не представлял, что в эти дни трагически переворачивалась одна из страниц многовековой Казачьей жизни оригинально-интереснаго организма в Российском государстве....

НАБЕГ КРАСНЫХ НА СТАНИЦУ ТЕМИЖБЕКСКУЮ.

Утром 18 февраля, в Кавказской неожиданно появились беженцы и вооруженные казаки станицы Темижбекской, во главе с атаманом вахмистром Толстовым. Оказалось - красные атаквали Темижбекскую со стороны станицы Расшеватской. Это было полной неожиданностью.

Для ликвидации этого продвижения красных - немедленно-же были брошены оба Партизанские отряды есаула Польского и сотника Жукова, а в поддержку им - 1-й Лабинский полк. Красные были уже на пол-пути к станице Кавказской. То была их конница, которая была быстро сбита и бросилась назад - часть в Темижбекскую, а главная масса прямо на север. Это была, думаю - глубокая разведка.

Партизанские отряды с молодецким задором устремились на Темижбекскую и заняли ее, а Лабинцы гнали красных 12 верст на север и отбросили их за р. Челбасы, в направлении станицы Дмитриевской. Боя красная конница не дала, но скачка по снежному полю обеих сторон была красочная.

Выполнив задачу - 1-й Лабинский полк возвращался в Кавказскую. Настроение было отличное. Что бы дать казакам почувствовать силу своего полка - построив его в резервную колону с пулеметной командой посредине сотен - темной массой конницы, по широкому ровному белому полю, шел в Кавказскую.

Эта масса конницы до 700 шашек в сотнях и 22 пулемета на линейках при своих номерах, конечно, представляла прочную силу. И ее надо было психологически показать казакам в резервной колонне, но не в растянутой на целую версту "в колонне по-три". К тому-же, полк шел без дороги, по затверделому снегу "толоки" /непаханое поле/, вместо растолченной дороги длинной колонны "по-три".

Казакам разрешено было курить и не громко разваривать в строю, что всегда очень нравилось рядовому казачеству. Но все офицеры были на своих местах, т.к. неожиданности могли быть всегда.

В таком положении строя, недоходя, может быть, одной версты до жел-дор. переезда Ставрополь-Кавказская - полк увидел своего командира корпуса генерала Науменка, рысью идущаго навстречу полку с несколькими ординарцами. Это было полной неожиданностью. Остановив полк и скомандовав только "СМІРНО-О!... ГГ. ОФ-ОІЦЕРЫ!" /без обнажения шашек/ - подскочил к нему и доложил о выполненной задаче.

Генерал Науменко в хорошем настроении. Он дает мне небольшой кулек Георгиевских крестов для казаков, дает копию телеграммы Войскового Атама.

на генерала Букретова для прочтения перед строем, благодарит полк за воинскую стойкость и рысью-жив возвращается в Кавказскую.

Здесь я должен поместить некоторый частный штрих: - Передавая копию телеграммы атамана Букретова - генерал Науменко, как-бы вскользь, предложил мне лично донести Председателю Краевой Рады о стойкости и вчерашней такой успешной атаке 1-го Лабинского полка, чем фиксировалось-бы боевое состояние частей корпуса. Невдаваясь в разсуждения тогда, и по моменту и по-молодости своих лет - я телеграммы не послал и, вообще, совершенно не принял во внимание слова его. И уж потом, за-границей, и из разговоров и из казачьей печати узнал, что у генерала Науменко, как Походного атамана, вышли разногласия с Радой и он должен был оставить свой пост. И теперь в печати есть, что тогда, под Кавказской, 2-й Кубанский конный корпус, которым командовал генерал Науменко, яко-бы, "разложился". Конечно, это было не так.

И если в станице Дмитриевской 10-го февраля "дрогнули" некоторые полки корпуса, то в эти дни пребывания их в Кавказской - корпус был в достойном порядке тех дней "общаго упадка духа" всех армий генерала Деникина.

Телеграмма Атамана была прочтена перед полком, но - в степи, в холоде, с утра ничего не евшие и казаки и офицеры - всем она была мало интересна по тому моменту, и дня и событий. Да и все-ли казаки в строю слышали мои слова? Да и воевали, сражались, тогда казаки против красных не из-за похвалы, а из-за жизненной необходимости.

Сам я содержание телеграммы забыл и вот, недавно нашел и обратил на нее внимание. Вот она:

"Лихие действия Лабинцев и Кавказцев, конных и пластунов, 16-го февраля при отбитии наступления красных на станицу Кавказскую и хутор Романовский, где доблестные Лабинцы и Кавказцы совершенно разгромили красных, взяли целиком в плен 443 и 444 советские полки в составе 600 человек и 8 пулеметов - заставили биться сердца всех Кубанцев, честно любящих свой Край.

Объявите мое Атаманское спасибо славным сынам родной нашей Кубани - непобедимым Лабинцам и Кавказцам, перед доблестью которых будет преклоняться все население Кубанского Края".

/Эта телеграмма была прислана на имя командира корпуса, ген. Науменко. См. "Трагедия Казачества" том 4. стр. 264, 265/.

Там-же был помещен и приказ по Войску, но от 20-го февраля.

В телеграмме Атамана Букретова и в приказе по Войску есть непонятное и не точное. В телеграмме указывается, что захвачено 8 пулеметов, тогда как полком было захвачено 18 пулеметов, которые в тот-же день остались при полку. Они были на тачанках и с полной упряжкой. В приказе-же указано, что захвачено 20 пулеметов и 5 орудий.

Опередив колону красных выползавшую из-за переката - 1-й Лабинский полк атаковал ее "в лоб". Короткое ружейно-огневое сопротивление и - красноармейцы побросали оружие и сдались. Подскакавший генерал Науменко немедленно-же бросил полк на север, что-бы занять х. Лосев, поэтому полк не мог знать - ни численности сдавшихся, ни то, из чего состоял их обоз, приблизительно в 30 упряжек. Возможно, то были орудия с зарядными ящиками и патронными двуколками.

Удивительно и то, что в двух полках пехоты, у красных, оказалось только 600 штыков, т.е. по 300 человек в полку.

Указано, что "445-й полк почти весь уничтожен", чего в действительности не было.

Если полки имели по 300 штыков, то 445-й полк должен быть тот, который был полностью захвачен 1-й сотней есаула Миная Бобряшева, отступавший от

станции Кавказской на северо-запад, по шляху к Лосеву, видимо, для присоединения к своим главным силам. Он отходил двумя группами и на-глаз издали, на ровной местности, определялся приблизительно в 250 штыков.

Много конных атак совершили Кубанские полки на пехоту красных. И кто в них участвовал, тот знает, что пехота, отстреливаясь даже и упорно — сна не выдерживала духовно безудержно несущейся на нее конницы с блеском шагов, шагов за сто бросала винтовки на землю, поднимала руки вверх и бежала навстречу казакам, как показатель "полной сдачи", прося милосердия, т.е. — "прося не рубить их". И я не помню случая, что-бы казаки рубили уже сдающихся, безоружных. И в реляциях, считаю, о такой фантазии писать ненужно.

Так было и 16-го февраля. Красные открыли огонь по полку, но видя его бесплодность — побросали винтовки и побежали навстречу казакам с поднятыми вверх руками. Хотя — так сдается пехота во всех армиях и всех государств.

В той атаке полк понес малые потери, но вот, участник этой атаки, тогда молодой казак Михаил Енин, в своем письме от 12 августа сего года пишет, что — "в бою под х. Лосевым погиб наш доблестный долголешный атаман станции Урупской Михаил Гамагин".

Сам-же этот тогда молодой казак, был награжден в Лосеве Георгиевски крестом 4-й ст. по выбору своего взвода.

16-го февраля, красные продемонстрировали на станцию Кавказскую только несколькими орудийными выстрелами с севера, по цетру станции и со шляха станции Дмитриевской, который исходит из северо-восточной окраины станции. Дав несколько орудийных выстрелов — красные замолкли или отошли назад. Во всяком случае, больше орудийных выстрелов не было слышно. В это время, главными своими силами из х. Лосева, они без боя заняли хутор Романовский и железно-дорожный вокзал, находящийся на южной стороне хутора. Наших войск в хуторе не было. Все 8 полков конницы, пластуны и гренадерский батальон в 100 штыков, находились в станции Кавказской, в 7-ми верстах на восток от Романовского.

Нужно полагать, что на узловой станции Кавказской, в ту ночь, не было и наших бронепоездов, ежели красные беспрепятственно заняли и самый вокзал, захватив в поезде до ста казаков, куда-то отправлявшихся.

Как и непонятно: — зачем красные сделали "пеший налет" на х. Романовский, отстоявший от х. Лосева в 12-ти верстах? и почему они пробыв в нем часа два времени — покинули его? И в то-же утро, все были захвачены в плен со всею своею материальною частью.

Для истории 1-го Лабинского полка — считаю своим долгом все это засвидетельствовать, что произошло на моих глазах и под моим командованием этого храброго совкаго прыткого полка.

В НАШЕМ ДОМЕ. ПОСЛЕДНЯЯ РАДОСТЬ. . . .

-в нашем доме-

В эти дни — ежедневно гостили, обедали и ужинали некоторые офицеры-лабинцы. Временный-же полковой адъютант сотник Веприцкий, безотлучно был со мною и жил в доме.

К старшему брату Андрею, есаулу и 2-му помощнику командира 1-го Кавказского полка, так-же ежедневно приходили друзья. Приятно и мне было встречаться с немногими старыми-кавказцами однополчанами и по мирному времени и по Турецкому фронту. Холостецкую молодежь прельщала наша младшая сестренка, щебетунья Надюша, гимназистка 6-го класса. Бывать в нашем большом и многосемейном доме всем было приятно. И наша добрейшая мать — кормила и поила всех безотказно. В доме всего было вдоволь — и варенаго, и печенаго и засоленаго в погребе из своего сада.

Откуда прошел слух - неизвестно, но жители станицы говорили, что "Войско отойдет в Грузию".

Под впечатлением этих слухов - мать мне сказала: - "Забирайте люцерну, сыночек, что-бы она не досталась этим поганцам-красным".

У нас было два сада. Верхний, по кочугурам - фруктовый и овощной, а нижний, над Кубанью - только под траву люцерны. Оба по две десятины каждый.

Люцерну мы носили три раза за лето. В прошлом году, находясь "в опале" с фронта - я сделал два укоса косилкою, с помощью соседей перевез ее во двор и сложил в скирду.

Желание матери передал командирам сотен. Прибыли сотенные урядники-фуражиры, наложили мажары "по-хозяйски" и увезли к себе. Я понял, что мать отдает сено бесплатно, что-бы оно не досталось "этим поганцам-красным", которые придут, может быть "завтра" и уж в наш-то дом ворвутся "первым делом", и не поцеремонятся в своих желаниях.

Сотенные командиры, в естественном порядке, прибыли лично заплатить матери и вот, слышат от нея:

"Берите, деточки?... берите все что надо для Ваших казаков... ничего мне не жалко".

Удивленные - они обращаются уж ко мне. Говорю им, что мать отдала сено бесплатно. Но, не тут-то было! Они и слушать не хотят. А я не могу фиксировать желание матери. Есаул Сахно, наилучший друг нашего старшего брата, обратился к нему за содействием, доказывая, что "о бесплатности" не может быть и речи. Брат подтверждает слова матери "о бесплатности". Полковник Булавинов, мой помощник, смотрит в мою сторону удивленно, потом быстро встает, с сотенными командирами окружает мать и насильно вручает ей деньги, даже, в повышенной стоимости цены на сено. Хотя, тогда, на все цены были больше чем не известны. Армия отступала и все катилось "вниз".

Но самое замечательное здесь то, что наша мать, простая казачка, сотенных командиров называла "деточки". Это есть одна из характерных черт старинного патриархального казачества. Хорунжий, Максим Порфиорович Курочкин, проживающий под Нью-Йорком - живой свидетель тех дней.

В те немногие дни, наш дом жил нежной и счастливой жизнью, окруженный вниманием и станичников и, в особенности, офицерами 1-го Лабинского полка, предопределенный судьбою для того, что-бы потом, и очень скоро, ощутить самое большое горе какое бывает в человечестве, это - разорвение всего хозяйства красными и трагическую гибель всех членов семьи.

18-го февраля, вернувшись с полком из под Челбас - в доме застал неожиданных гостей, офицеров Кониловского конного полка - есаула Н. Кононенко станицы Старо-Корсунской, есаула Е. Ростовцева станицы Платнировской и сотника Андрея Бэх станицы Незамаевской /или Калниболотской/. Они возвращались в свой полк, который действовал в Ставропольском направлении в 3-ей Кубанской дивизии генерала Бабиева. Старые Кониловцы, старые мои соратники в моем доме - ну как можно не приветствовать их! Немедленно же собрал всех офицеров-Лабинцев на ужин.

Наш дом ярко освещен. В зале, большой стол покрыт разными домашними яствами. Полковой хор трубачей разместился в большом стеклянном коридоре. Для них так-же подано - и выпить и закусить. Вся наша многочисленная женская часть семьи в повышенном настроении, в беготне, в заботах об угощении. Бабушка и мать на кухне. Старшая наша замужняя сестра Маня, наш первенец из 12-ти детей /ей 33 года, а замуж она вышла 15-ти с половиной лет от роду/, жена брата Нюра дочь-Лосевского атамана урядника-конвойца, три младшие сестренки, племянница, - все они слуги гостей, коих набралось до 30-ти офицеров. Начались тосты. Содержание их одно: - славные бои, казачья слава, храбрые полки присутствующих офицеров - Кониловский конный, 1-й

Кавказский, 1-й Лабинский. Сама-же Кубань, наше родное Кубанское Войско - воспевалось и украшалось дивными мотивами войсковых песен. Все три Корниловцы-гости, Кавказцы есаулы - И.И. Храмов и А.И. Елисеев, и Лабинцы - полковник А.П. Булавинов, есаулы Сахно, Минай Бобряшев и сотник Николай Шепетной - имели отличные голоса, тонкий слух и безконечное знание песен Кубанского фольклора с истоков Запорожского Казачества.

Хор-же трубачей за стеною - надрывал души всех то браваурными полковыми маршами после тостов "за полки", то "тушью", когда касалось личностей, то нежными мелодиями, когда шла задуховная беседа офицеров.

Оркестр 1-го Лабинского полка и тогда состоял из старых опытных казаков трубаческой команды и был на высоте своего музыкального положения.

То не был "кутеж", каковые бывали во всех Казачьих полках в офицерской среде, т.к. сердце-вещун подсказывало что-то другое, что-то недоброе, почему чувствовалось у всех какое-то "щемление души", хотя никто из нас не знал, да и трезво не представлял, что свою дорогую Кубань-Отчизну, мы покидаем навсегда... И то оказался последний день моего живого общения с так дорогими лицами нашей многолюдной семьи в доме погибшего отца.

Завтра 19-го февраля, 2-й Кубанский корпус выступит на север, с боя займет станицу Дмитриевскую, что в 25-ти верстах от Кавказской и потом отойдет назад, в горы, минуя мою родную станицу, которую не вижу до сих пор....

"ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ" - СО СТАНИЦЕЙ И С СЕМЬЕЙ. . .

2-й Кубанский корпус подтянулся. Уже внушительную силу представляла Кавказская бригада, т.е. 1-й и 2-й Кавказские полки. Отличны были Партизанские стряды есаула Польского и сотника Михаила Жукова. Думаю, что весь корпус имел уже свыше 2.000 пашек, не считая полковых пулеметных команд.

Пластунов было не много, не свыше 300 штыков. В большинстве их дали Кавказская и Темижбекская станицы, т.к. все северные станицы Отдела были заняты красными, а с другими станицами не было никакой живой связи.

При таком боевом и психологическом состоянии - корпус выступил на север, что бы взять станицы Дмитриевскую и Ильинскую.

Несомненно, что был приказ свыше, т.к. для обеспечения главного жел-дор. узла станции Кавказской - надо было иметь в своих руках пункты, лежащие от него не менее как в одном переходе. Так диктует наука о военной тактике, для защиты своего важного "тет-дэ-пона". С занятием этого Кавказского железнодорожного узла красными - от Ставки генерала Деникина полностью отрезалось и жел-дорожная, и телефонная и телеграфная связь с Терским Войском и со всеми войсками, действовавшими в Терско-Дагестанском Крае.

По заданию из штаба корпуса - 2-я Кубанская дивизия должна выступить из Кавказской 19-го февраля после обеда, занять х. Лосев и заночевать в нем.

4-я Кубанская дивизия, со всеми другими частями выступит 20-го прямо к станице Дмитриевской. К ней должна подойти и наша дивизия и совместно атаковать эту станицу. Все эти распоряжения мы получили днем 19-го. Генерал Науменко вызвал меня к себе и, как-бы, дружески, сказал следующее:

"1-й Лабинский полк самый сильный и стойкий в корпусе. Я Вас прогугу, с оркестром трубачей и с песнями во всех сотнях, помпезно пройдем по Красной улице, мимо станичного правления и дальше в восточную половину станицы по Вашему усмотрению, что-бы разбудить сердца всех и в общности Кавказцев".

Эти свои желания генерал Науменко произнес, как-бы, в частном порядке, как всегда очень любезно со своим подчиненным.

В "Уставе внутренней службы" Императорской армии сказано, что всякое желание начальника, высказанное даже в частном порядке - равносильно приказанию и его надо выполнить.

В данном случае, желание командира корпуса были очень резонны, психически и соответствовали моему воинскому чувству.

Согласно этому заданию - 1-му Лабинскому полку приказано выстроиться на площади у здания Управления Кавказского Отдела, которое было у начала Красной улицы с западной стороны. Полк выстроился перпендикулярно улице почему и был виден всем, кто жил и был на ней.

Через два двора матери полковника И.И. Забей-Ворота - находился наш дом. На парадном крыльце его столпилась вся женская половина нашей семьи, с зятем и четырьмя племянниками-подростками - всего 13 душ. Показательно несчастливое число.

Попрощавшись с ним коротко, совершенно запросто, когда уезжаешь из дома на 2-3 дня - верхом выехал к полку, отстоявшему от них шагах в 150-ти.

Кто-же мог знать тогда, что я уж больше н и к о г д а не вернусь к ним??

Лежал мокрый снег с грязью. Слегка морозило. Мой помощник полковник Булакинов, произнес длинную команду "встречи" - взял шашку "под-высь", наметом подскочил ко мне и мягко, спокойно не рапортует, а будто-бы рассказывает, что -

-полку, в-

"В 1-м Лабинском-строю находится 20 офицеров, 650 шашек, 22 пулемета, а всего 750 лошадей".

Оркестр трубачей продолжал греметь "полковым встречным маршем", а станичная публика на тротуарах, на корридорах, на базарной площади что рядом, чины управления Отдела и военно-ремесленной школы там-же, давно не слышавшие "духовой музыки", как говорят в станице, да еще в конном строе - с любопытством глазели на все.

На мое приветствие полк ответил бодро, громко. Объяснив желание генерала Науменко о помпезном движении полка по станице - командовал:

"Справа по-три!.. Первая сотня!.. Трубачи вперед и - начинай!"

Прохожу мимо своего дома. Вижу - бабушка и мать улыбаются и плачут одновременно. Они крестят меня с крыльца. Я снимаю папаху, крещусь так-же и кланяюсь им. Вся остальная молодежь семьи машут руками и мне и полку. Оркестр трубачей заглушает все слова и фразы, несущиеся с парадного крыльца. Я активно вглядываюсь в их лица - ласково и бодряще. Я и сам уже машу им рукою и этим вызываю слезы и у старшей сестры и у жены брата.

Полк идет, идет и постепенно заслоняет меня видять всех их, бесконечно любящих существ. Я оглядываюсь еще и еще... Взмахи рук с платочками продолжают без конца и наконец тонут вдали за длинной колоной конных казаков. Тонут, тонут и... скрылись совсем... для того, что бы уж никогда не увидеть в этой жизни...

То оказалось ПОСЛЕДНЕЕ ПРОСТИ с семьей.

Гремит хор трубачей. Заливаются сотни линейными крикливыми песнями. Жители станицы, так давно и редко слышавшие песни в конном строе - всеми семьями высыпали на улицу. На парадном крыльце Севостьяновского дома

стоит генерал Науменко. Командую "Равнение налево!" Командир корпуса мягко улыбается, здоровается с каждой сотней отдельно, благодарит за боевую службу молодецких Лабинцев и сотни, пройдя его, вновь залились песнями.

Пересекаем церковную площадь. Сотни прерывают песни, снимают папахи, крестятся и вновь поют, поют свои строевые песни.

На порожек станичного правления стоит весь цвет станичной администрации во главе с атаманом станицы. Перед полковым Знаменем они берут руки под-козырек и я официально отвечаю им этим-же.

Пройдя несколько улиц - полк свернул на север, пересек жел-дор. магистраль Ставрополь-Кавказская и двинулся по шляху на Лосев. Он был свободен от красных.

ОДНА НЕНОРМАЛЬНОСТЬ.

На утро следующего дня, дивизия выстроилась за хутором, в ожидании начальника своей дивизии. На правом фланге, по старшинству, стоят 1-й и 2-й Кубанские полки. Они малочисленны. Справа, с юга, показался штаб дивизии. Впереди шел вр. нач. дивизии молодой полковник А. И. Кравченко. Правее его нач. штаба дивизии пожилой генерал. Эти полки без оркестра, почему командирами полков подаются команды без воинского пафоса. Кравченко проезжает их и не здоровается.

"Когда-же он успел повидать эти полки?" - думаю.

При приближении к Лабинской бригаде - подаются соответствующие команды. Оркестр 1-го Лабинского полка приветствовал своею нач. дивизии полковым маршем. Кравченко смутился, что-то говорит генералу и потом махнул рукой оркестру, что означало "прекратить". Оркестр остановился, он-же проезжает мимо и не здоровается с полками Лабинцев. Весь полк в недоумении.

Пройдя верст 15 - дивизия остановилась и спешила перед Дмитриевской. Там уже находилась 4-я дивизия, как и др. части корпуса. Выстрелов не было слышно и мы не знали - что-же происходит впереди?

Подхожу к своему оч. близкому другу еще по военному училищу 1910-11 гг. полковнику Кравченко, отвожу его от штаба дивизии и спрашиваю:

"Почему ты, Афанасий Иванович не поздоровался с полками?"

"Да знаешь, Федор Иванович, неудобно при генерале. Ведь он старше меня", отвечает смущенно он.

"Ты начальник дивизии, Афоня, а генерал у тебя начальником штаба. Ты понимаешь эти взаимоотношения?" горячо говорю ему.

"Так-то это так, Федор Иванович, но все-же, как-то неудобно. Он старик, он генерал-лейтенант, да еще генерального штаба.... прямо-таки, Ей-Богу, неудобно при нем здороваться с полками", оправдывается он.

"Нет-нет, Афоня!... ты больше так не делай и здоровайся с полками", без апелляции дружески внушаю ему.

ПОЛКОВАЯ ПУЛЕМЕТНАЯ КОМАНДА. ЗАСЛУЖЕННОЕ ПООЩЕНИЕ.

Меня магнитом тянет к себе наша пулеметная команда. 22 собственных пулемета!.. Это ведь большая огненная сила! И богатство полка.

Кто командовал полком, тот поймет мои командирские чувства. И я иду туда, что-бы посмотреть, что-бы полюбоваться ими.

Вижуч-есаул Сапунов сам обходит пулеметные линейки и видимо так-же переживает радость.

"Пулеметная команда - СМЕРЬ-НО-О!" - кричит громовым голосом неугомонный Сапунов как заправский службист-урядник.

"Да я Вас сегодня уже видел. Вольно!" успокаиваю его. И мы осматриваем уже вместе, главным образом, лошадей, в коих так-же заключается "сила пулеметной команды". Сапунов хорошо потрудился в Кавказской и все лошади были в хороших телах.

"А вот, господин полковник; и Ваши добровольцы-станичники?" докладывает Сапунов и я вижу линейку с пулеметом в паре добрых лошадей и возле пулемета - полчаны-Кавказцы и друзья детства, Алексей Горошко и Иван Коробченко. С гнедым мускулистым конем в поводу, с черной густой бородой, в домашней тужурке, но при полном оружии - тут-же стоит урядник-конвоец, "дяденька Алексей Протопопов", как называли мы его в детстве.

"Здравствуйте други", по-домашнему говорю им.

"Здравие желаем, господин полковник?" - чисто по-строевому "первого полка" отвечают они густым баритоном для солидности.

"Ну!... не подкачайте!" вторю им.

"Не беспокойтесь, господин полковник!... дело привычное!" за всех отвечает Алексей Горошко, первейший друг моего детства, озорник тогда. Он был старше меня на два года, но был слабее физически, не так ловок, в "единоборстве" был побежден и с тех пор, по-уличному обычаю среди мальчиков, подчинялся победителю.

Горошко и Коробченко были казаки прихода в 1-й Кавказский полк, в г. Мерв Закаспийской области, 1912-го года. Туда-же я прибыл молодым хорунжим, окончив военное училище, в 1913-м году, и был сразу-же назначен помощником начальника полковой учебной команды. Несмотря на то, что оба они-станичники были отличными казаками, имели отличных лошадей - в учебную не выдержали экзамена по своей малограмотности. В поощрение - их назначили в бригадную пулеметную команду, в которой они провели всю войну на Турецком фронте 1914-17 гг. и вернулись домой теми-же рядовыми казаками, которыми вышли в полк.

Мы, молодежь, и тогда возмущались этим положением, считая, что все участники войны, должны были быть переименованы, хотя-бы, в приказные. Для казака и "одна нашивка на погонах" - радость. И теперь, видя этих двух молодцев и соратников по Турецкому фронту - решил заполнить пробел бывших их начальников.

Отойдя с есаулом Сапуновым в сторону, что-бы никто не слышал нас, спрашиваю:

"Как они?"

"Лучших и ненадо!... во всем пример!... и так знают, так любят пулемет?" докладывает он, сам фанатик-пулеметчик из урядников той-же войны.

"Казаки Горошко и Коробченко - ко мне?" громко произношу в их сторону.

По-полковому, как говорят - "на носочках", подскочили они, взяли под-козырек, стали серьезными, не зная - почему я, буд-то "строгим голосом" вызвал их. И что-бы больше опешить их - я строго говорю, смотря им в глаза:

"Ваш начальник команды, есаул Сапунов, дал мне о Вас отличный отзыв... Мне очень приятно это знать... а потому".... сделав паузу, с улыбкой произношу - "поздравляю Вас обоих младшими урядниками".

Это было для них полной неожиданностью. Молодецкий ответ благодарности несется из их уст и радостная улыбка покрывает их лица, так мне давно знакомые и приятные.

"Ну, а теперь бежите к своему пулемету и что-бы сегодня-же я видел Вас "в галунах", уж весело говорю им. За 7 лет войны, они этого вполне заслужили.

Отчетливо повернувшись по-полковому "кругом", стукнув каблуками сапог, весело, вприпрыжку побежали они к своей пулеметной линейке.

Урядника-конвойца Алексея Протопопова я не мог ничем порадовать, т.к. не сомневался, что полученное им звание урядника в Конвое Собственного Его Величества Российского Государя-Императора - гораздо дороже настоящего.

Кстати надо сказать, что все казаки-конвойцы, заканчивая свою службу, переименовывались в звание младшего урядника, тогда как в полках - надо было окончить учебную команду, чтобы получить "это звание".

ПРОРЫВ КРАСНОЙ КОННИЦЫ.

Наша дивизия, в спешенном порядке, стоит на перекате местности. Уже вечерело, почему и морозило. По чистому полю сплошной, но не глубокий снег. Казаки достали из своих сум хлеб и сало и закусывали всяк по себе. От безделья и тишины - становилось скучно. Штаб дивизии буднично стоял где-то в стороне от частей.

"По- коня-ам!" вдруг пронеслись громко слова полковника Кравченко и затем -

"Сади-ись!... 1-й Лабинский полк за мною, в голову - МАРШ-МА-АРШ!" и повернув своего коня на юг - выкрикнул:

"Федор Иванович - ко мне!"

Ничего не зная, подскочил к нему уже тронувшемуся широкой рысью со своим штабом, почему-то, на юг - он быстро говорит мне:

-прорвались и-

"Три полка красной конницы-обходят нас слева... Они идут балкою и уже обошли нас. Генерал Науменко приказал мне отбросить их назад".

Это было больше чем неожиданно. Где конница красных?... где она нас обошла? - я ничего не знаю, идя широкой рысью рядом с Кравченко. Длинною взводною колоною, 1-й Лабинский полк следует непосредственно за штабом дивизии.

Мы проходим прямо на юг одну, другую, третью версту и наконец, правее себя, на запад - видим длинную кишку красной конницы, которая широкой рысью уверенно идет так-же на юг, параллельно нашему движению. От нас она была версты в две по расстоянию и ее хвост был на уровне головы нашей дивизии. Увидев это - полковник Кравченко сразу-же перевел своего высокого сильного коня в полу-широкий намет.

"Куда ты ведешь, Афанасий Иванович?" бросаю ему на скаку.

"Да, што-бы выскочить к голове красных и атаковать их в лоб", отвечает

"Лучше атаковать ее в хвост и во фланг", советую ему.

"Не-е.... мы заскочим им спереди и тогда уж атакуем", парирует он. Начальник штаба, следуя правее его - молчит. Мне это было непонятно.

Несясь широким наметом параллельно красным - наконец наши "головы колон" поравнялись; даже, мы чуть опередили их. И вдруг красные поворачиваются на-лево, строят боевой порядок и переходят на нас в атаку.

Кишка нашей дивизии растянулась. У нас нет никакого боевого строя. Положение определилось более чем невыгодное для дивизии. Я ругаю своего милора друга за опрометчивость, за упущенный момент и вдруг слышу от него:

"Ну тогда ты оставайся со своим полком здесь, а я поскачу дальше!"...и

повернув своего коня на юго-восток - со штабом поскакал дальше. Положение стало почти трагическим. Мы прошли наметом около 10-ти верст; в 2-3-х верстах от нас к югу отвратительная гребля черел р. Челбасы. По ней не уйти от красных. А позади, у станицы Дмитриевской, осталась отрезанная 4-я дивизия и др. мелкие части со штабом корпуса. Моя мысль работает молниеносно.

"По переднему уступу! карьером!" - бросаю я своему станичнику, штаб-трубачу Василию Диденко. И запела труба в пространство снежной степи:

"Стремглав друзья, постройтесь, что-б фронтом идти на врага-а!"

И повернув головную сотню фронтом против красных - остановил ее. Остальные сотни, несясь с быстротой молнии, т.к. вся картина и каждому казаку была как на ладоне - пристраивались левее головной, образуя густую резервную колонну полка. Пулеметная команда, взяв лошадей в кнуты - неслась вслед.

"Взять позицию правее полка!" - кричу я есаулу Сапунову, скакавшему впереди своей команды.

На белой прыткой лошаденке, в большой белой косматой папахе - крупный телом Сапунов, пригнувшись к луке с хищным видом, он повернул коня на право, доскакал до бурьянов, круто остановился, повернул свою лошадь кругом и став лицом к своим пулеметам - сложенной вдвое плетью бросил руку направо и налево, чем указал развернутый строй всем своим 22-м пулеметам.

Пулеметные линейки веером бросились вправо таким аллюром - как скачет во все лошадиные силы пожарная команда.

Разсыпав и остановив пулеметные линейки на позицию - Сапунов рванулся вперед, стал позади линейек, бросая резкие взгляды на каждую, чем подчинял казаков своему неуклонному наблюдению. Все это было сделано им очень быстро и сноровисто, как в кинематографе.

"До моего приказа огонь не открывать!" крикнул ему. А он, службист, в этот жуткий момент, вместо воинского ответа, только кивнул мне головой, чем сказал, дескать: - "Знаю и без тебя!" Мне это понравилось.

Красные, увидев образовавшийся строй казаков фронтом против них - блеснули шашками и густой ватагой, без строя, перешли в атаку. Их было гораздо больше чем нас. Мне стало страшно. Свою численностью они могут смять полк.

Как всегда перед боем - холодная капля страха зародилась у меня у шейного позвонка, тихо катилась по позвонку и достигнув седалищного нерва, там растворилась; и мне, так-же как всегда, стало абсолютно не страшно.

Кроме того, я надеялся на полк, на его сбитость, на стойких командиров сотен, на послушание казаков и на свою пулеметную команду в 22 огненных силы.

Полк стоял молча. Командиры сотен бросали иногда взгляды на меня и на несущуюся на нас конницу красных, как-бы спрашивая - "Чего-же мы стоим?"

Молча проехав перед строем - остановился на правом фланге полка. И когда красные передовыми всадниками приблизились шагов на 500-600 - взмахом руки Сапунову - открыл по ним огонь. И застрекотали, заклокотали, зашипели все 22 полковых пулемета и легким сизым дымком заиндигелась линия огня наших пулеметов.

Сапунов скачет вдоль линии своих линейек, что-то кричит и от его крика - пулеметы еще более слились в сплошную бурю развернувшейся грозы огня.

А полк стоит и смотрит - как смешались первые ряды красных, как свалилось несколько коней... и как они, повернув своих лошадей кругом - потоком хлынули назад... Широким наметом, и сместа, полк бросился вперед, в преследование. Правофланговая сотня брошена в карьер - на ходу разворачивалась в двух-шереножный строй. Полк-же скакал в резервной колонне.

По той-же балке, во все свои лошадиные силы, неслась красная конница назад по знакомому ей пути на север, к станице Дмитриевской. Боевая обстановка была совершенно неизвестна мне - где находилась 4-я дивизия, Партизанские отряды, пластуны, гренадеры и штаб корпуса и где были главные силы красных? В чьих руках станица Дмитриевская?

Вот почему, что-бы не попасть в неприятную случайность - я держал полк в кулаке, в резервной колонне. Кроме того, по опыту убедился, что в гражданской войне, разрозненный конный строй, мало полезен, как и не устойчив при неожиданностях.

Еще замечена одна сторона при стычках конницы: - сбитая сторона, будь то белые или красные, успевает ускользнуть от рукопашной схватки "на шашки". Причина к этому - чувство страха седока, которая передается лошади и лошадь скачет во все свои силы. Тогда как настигающая сторона, психологически, не так активна, склонна к осторожности и неожиданностям. В данном случае, воинственный актив был на стороне красных. Мы, ведь, отступили "От Воронежа"...и держались "на ниточке перед падением в Черное море"... тогда как у красных был полный победный марш.

Кроме того, меня удивило следующее: - когда дивизия скакала с полковником Кравченко для опережения красных - последняя шла вперед, на юг, с непонятной мне уверенностью. И вот только теперь, из бюллетеня штаба корпуса № 7-й, выяснилась тогдашняя боевая обстановка, что -

"Шедший в левой колонне 4-й Линейный полк был сбит полком красной конницы и бежал, оставив два орудия и пулеметы; при чем - много казаков рассеялось. Поведение Линейцев затруднило работу остальных частей.

Доблестные Лабинцы, совместно с отрядом есаула Польского, отбросили конницу противника к станице Ильинской. В то время, Кавказцы под командой полковника Хоранова, овладели станицей Дмитриевской, захватив одно тяжелое орудие и одно легкое. Окончательному разгрому противника мешало недостойное поведение Линейцев".

Этого я тогда не знал. Но должен подчеркнуть - в этой конной контр-атаке Партизанского отряда есаула Польского не было. Кроме того, два полка прибывшие в станицу Кавказскую 4-й Лабинский и 4-й Линейный были столь малочисленного боевого состава, что "о полковой их силе" не стоило было и думать: - каждый из них был до 150-ти шашек. И конечно - красные, своей массой легко сбили Линейцев, сформированный из старых казаков. Командиром их был недавно умерший под Нью-Йорком полковник И. Мос. Тарарыкин, о чем сам мне сказал здесь-же при одной встрече "в воспоминаниях о былом".

И вот, вся эта масса конницы "белых и красных" до 2.000 шашек - потоком неслась по балке на север - красные ухали а Лабинцы настигали. В такой безудержной скачке полк прошел около 10-ти верст до самой Дмитриевской; уже со спустившейся ночной темнотой и остановился у ее западной окраины. Красная конница скрылась к станице Ильинской.

Головная сотня захватила несколько конных красноармейцев "живьем".

"Кто Вы?" - спрашиваю.

"Кубанские казаки Линейного полка...попавшие в плен к красным под Купянском... они поставили нас в строй", ответили они.

Я им не поверил. Во-первых - под Купянском не было ни 1-го, ни 2-го Линейных полков, а во-вторых - хотя они и были в небольших черных казачьих шапченках и на казачьих седлах, но лица их были типичные "мужичьи" наших кубанских иногородних. Все они в мужичьих тужурках, в обыкновенных черных штанах, в сапогах. Лошади их худоваты, но жилистые и бойкие..

Я не мстительный и не злой. На красноармейцев смотрел как на несчастных и обманутых людей. Следил, что-бы с пленными обращались хорошо, и никаких насилий над ними не делали-бы все мои подчиненные, и офицеры и казаки.

В данном случае в особенности бесплодно было карать этих пленных, почему поставил их в строй захватившей сотни, но приказал следить за ними.

Спустившаяся ночь остановила полк у западной околицы станицы Дмитриевской и от жителей мы узнали, что она занята казаками.

Разместив полк по-квартирам в этой стороне - еду со штаб-трубачем Диденко в штаб корпуса, а где он? - не знаем. В станице топкая жидкая грязь, т.к. она расположена в балке, куда стекает вода со всех перекатов.

Штаб корпуса разместился в противоположной стороне станицы, на южной окраине, у какого-то, видимо, торговца. Вехав в небольшой двор с юга - ординарцы уназали мне дверь, где поместился генерал Науменко. Перед дверью только один досчаной порожек, какой бывает "у черного выхода во двор".

Не зная расположения комнат - толкнул дверь и... сразу-же оказался в просторной комнате с низким потолком, а главное - сразу-же появился перед глазами генерала и его нач. штаба, которые сидели за столом и заканчивали свой ужин.

Входя, я предполагал, что вначале будут "сенцы" и потом уж комната, потом доклад через ординарца о моем прибытии, прося принять с докладом, но оказалась полная неожиданность и для меня и для начальствующих лиц.

Я, даже, не успел снять папахи с головы, как Науменко, увидев меня, быстро встал со стула, а я, приложив руку к папахе - отпартовал "о прибытии" с полком, не зная, - где-же наш штаб дивизии?

Оказывается - генерал Науменко уже все знал, почему принял меня исключительно внимательно, радостно и весело. Он просит, первым делом, сесть за стол и закусить. Предлагает рюмку водки, но я решительно отказался, хотя и был голоден. А при свете лампы, я только теперь увидел - как я был обильно покрыт грязью, как говорят, с ног до головы.

"А где-же штаб дивизии?" спрашивает Науменко. Я не знаю что ему ответить, что-бы не подвести своего друга А.И. Кравченко.

Науменко загадочно переглянулся с полковником Егоровым и просит меня рассказать - "все-же, как это было?" И я рассказал. Оба они слушали с внимательностью, словно сверяясь с другими фактами и докладами, известными уже им.

Должен сказать, что генерал Науменко добрый человек, приятный в разговоре, веселый и остроумный. С подчиненными очень тактичный, но иногда, для определения событий или личностей, употребляет слова "веские", правильные с точки зрения нас, кадровых офицеров - не подлежащие обиде.

Так было и здесь у него. Выслушав мой доклад, он еще раз переглянулся со своим нач. штаба корпуса и досадливо произнес по адресу полковника Кравченко:

"Как-кая д....а!.... вместо того, что-бы атаковать противника в хвост или во-фланг - он заскакивал к нему в голову. Благодарю Вас Елисеев и Ваших Лабинцев. Вы вторично спасли положение". Он крепко пожал мне руку.

И добавил: - "Полковник Кравченко отрешен от должности и я Вас назначаю вр. начальником 2-й Кубанской дивизии. Напишите приказ об этом" - говорит он полковнику Егорову.

Разговор был окончен. Науменко просит меня подождать, пока будет отпечатан об этом приказ по корпусу. Вдруг, о чем-то вспомнил и повернувшись к

мне, быстро спросил:

"А как Ваш Диденко?"

"Отличный казак, Ваше Превосходительство", отвечаю ему в тон.

"А где он?"

"Держит лошадей у крыльца", докладываю.

"А можно его сюда позвать?... хотя - лучше мы сами к нему выйдем", как-то запальчиво, с чувством внутреннего беспокойства, произносил Науменко эти короткие фразы.

ШТАБ-ТРУБАЧ ВАСИЛИЙ Д И Д Е Н К О.

Когда все 8 полков корпуса вошли в нашу станицу 11-го февраля, без боев оставив Успенскую, Ильинскую и Дмитриевскую станицы, оторвался от противника еще в Ставропольской губернии - в Кавказской был заметный переполох. Жители ждали красных может быть "завтра" и, с чувством страха, думали и решали - как быть?

И мы офицеры, и я лично, думали тогда, что если не завтра, то в ближайшие же дни, корпус отступит за Кубань и мы, видимо, пойдем в Грузию, там отдохнем, переформируемся, усилимся и через два-три месяца перейдем в наступление. Готовясь к этому - я уговорил мать "собираться" и, с детьми, отходить с нами, оставив только старую бабушку дома, которую красные пощадят.

Откуда пришли такие фантастические мысли, я не знаю, но они были. Среди же казаков-станичников, были мысли и иные: - куда идти?... И не лучше-ли оставаться в своей станице и ждать - будь что будет!

Были и такие голоса, что офицеры доведут казаков до Черного моря, сами сядут на пароходы, уедут в Крым, а казаков бросят на берегу... Так уж лучше никуда не уходить. Это были только "голоса", а в общем - прихода красных все боялись.

"Сыночек.... там тебя хочет видеть одна бабочка", говорит мне мать, войдя в мою комнату, на второй или третий день, когда полки корпуса вошли в станицу. /"Бабочка", по-станичному - это молодая замужняя казачка/. И только что я вышел в наш застекленный большой корридор, в который выходят двери всех 4-х комнат - как какое-то молодое существо повалилось мне в ноги и громко заголосило, причитаячи:

"Федар Ваны-нч!...спаситя маво /моего/ Васю-у... і во растреляю-уть!".

Такого унижения родной казачки-станичницы, как "падение к ногам" вообще, кроме может родительским - я никогда не видел и не ощущал. А падение к моим ногам - меня, просто оглушило. Схватив ее за руки и подняв к своему лицу - с горячностью спрашиваю ее, всю красную от слез:

"Чіа ты?"/В станице я всегда разговаривал со всеми их выговором слов/.

"Ды Васи Диденкина жена-а"...што Вы міне ні признаете"/т.е.не угадываете/?

Диденко - почти соседи были на нашей улице. Большая семья и бедная, т.к. кроме старшего сына Василия - остальные дети были девочки. Значит, вся семья жила на один пай земли их отца в восемь десятин. У них не только что не было амбара, но не было и дома во дворе, как у многих казаков. Была длинная украинская хата и плетеные сараи во дворе для быков, для коров и для овец.

Василий был очень мягкий парубок тогда, когда я был дошкольным мальчиком. Умный мягкий добрый - он был защитником нас от произвола старших над нами и все мы его оч. уважали и любили. Он был для нас авторитет во всем, открытая правда, справедливость.

С действительной службы в 1-м Кавказском полку он вернулся штаб-трубачем, видимо тогда, когда я был учеником Майкопского технического училища. В общем, он старше меня был лет на десять.

Что его арестовали, яко-бы, за злостную агитацию, и могут разстрелять по приговору корпусного военно-полевого суда - меня возмутило до крайности.

Добровольческая армия, по оставлении Ростова, была свернута только в один корпус, силою около 10 тысяч штыков. Это была та сила, которую дала Россия к югу от линии Камышин-Воронеж-Орел-Чернигов-Киев-Одесса, заключающий 16 губерний с населением в 42 миллиона /"Очерки Русской Смуты", ген. Деникина, том 5, стр. 126/.

Это означало, что население этих губерний "оставило" свою армию, не пошла с нею. Теперь же, когда казак выразил свою мысль, что сопротивление против красной армии стало не под силу казакам - он предается смерти.

Одеваю шашку и немедленно же иду пешком в штаб корпуса. Он помещался недалеко от нашего дома.

Генерал Науменко встречает меня ласково. Я запальчиво докладываю ему все о штаб-трубаче Василии Диденко что знал, как описано выше. Рассказал и обо всей семье его отца.

Я подчеркнул ему, что казаки устали от долгой войны, прижаты уж к самой Кубани и не знают - что же делать дальше?

Науменко слушал меня оч. внимательно, не перебивая и остро смотря в мои глаза, ища в их выражении искренности и только чистой правды.

С моими доводами он согласился; и не меняя серьезности и строгости лица, что у него редко бывало - он твердо сказал:

"Хорошо Елисеев... я освобожу Диденко, но исключительно под Вашу личную ответственность. Вы согласны?" закончил он.

"Не только согласен, но я возьму его к себе в 1-й Лабинский полк личным штаб-трубачем" - ответил ему.

Генералу это понравилось и он приказал привести сюда, в его залу, Диденка.

Его привели. За многие лет разлуки - я впервые увидел так знакомое мне лицо с детских лет, блондина с голубыми глазами и добрым сердцем.

"Вот что Диденко", начал генерал Науменко строго, официально и не совсем ласково.

"Ты, за свой язык, подлежал преданию военно-полевого суда. Конец его известен... Но твой станичник, полковник Елисеев, вступился за тебя... И берет на свое поручительство.

Зная и ценя его - я уступил. И только благодаря его просьбам. Только? Понял?.... Он берет тебя к себе штаб-трубачем. И я надеюсь, что ты, как старый и служилый казак - поймешь все это и оправдаешь доверие его. А теперь ты в распоряжение полковника Елисеева", закончил он.

"Покорнейше благодарю, Ваше Превосходительство!... И вас покorno благодарю, господин полковник", совершенно неподобострастно, умно и достойно говорит Диденко, и продолжает:

"Я не только что оправдаю доверие господина полковника Елисеева, который меня так давно знает, но я хочу доложить Вам, что я совсем не тот, за кого Вы меня приняли. Я казак и искренний враг большевиков. А говорилось если что - так это "по-домашнему".

"Ну, довольно, довольно!" перебивает его Науменко. "Полковник - Вы сво-

бодны.Свободен и Диденко" коротко заканчивает он.

Я благодарю генерала,и с Диденко выходим на улицу.

"Федор Иванович - спасибо Вам! Но неподумайте что я такой",со слезами на глазах говорит мне старый штаб-трубач,освобожденный только что от смерти.

"Василий!.. и не вспоминай об этом! Поэтому-то я и сделал,что отлично знал тебя и всех Вас Диденкиных"./Так их называли на улице/.

Мы в нашем доме.Его жена радостно плачет.У нашей матери на глазах слезы,так-же от радости.

В станичном быту,горе и радость соседей воспринимается остро.Василий мягко улыбается и указывая ей на меня,говорит: - "Благодари пон Федор Ивановича".

Что-бы прекратить эти тягостные минуты - говорю им: - "Ну,теперь оба идите домой,Василь..отдыхай.А завтра - конным приезжай сюда.И начнешь служить при мне". Даю ему руку,жену-же обнимаю.Она смеется и плачет одновременно,а потом бросается на шею к нашей матери и заголосила причитая: - "

"Тетенька-а...спасибачка и Ва-ам...што памагли-и...."

Помощь-же матери заключалась в том,что она попросила меня повидаться с нею.Такая станичная неискренность.

- * -

Вот те события,которые привели Командира 2-го Кубанского конного корпуса генерала Науменка,вторично повидаться со штаб-трубачем Василием Диденко,но в другой психологической обстановке и очень интересной для человеческой души.

Втроем - Генерал Науменко,полковник Егоров и я вышли к порогу двери.Через открытую дверь шло тусклое освещение.В овчинном в грязи полушубке,между двух лошадей держащих под-узды,стоял Диденко.На нем кинжал,шашка и сигнальная труба за плечами.

"Здравствуй Диденко!" ласково говорит Науменко.

"Здравия желаю,Ваше Превосходительство!" молодецки отвечает он.

"Полковник Елисеев джоложил мне,что ты очень хорошо вел себя все эти дни.Я очень рад этому.Ты водку пьешь?"- уж весело спрашивает Науменко.

"Так точно пью",чуть смущенно отвечает Василий.

"Дайте бутылку сюда! - крикнул генерал деньщикам.Те принесли ее со стола и рюмку.

"Нет!.. дайте чайный стакан!"говорит он кацаку. "Выпьешь его?"спрашивает он Диденко.

"Так точно выпью",откровенно говорит он.И Науменко сам наливает полный стакан водки,сам передает его Диденку и сморит на него улыбаясь.

"За Ваше здоровье,Ваше Превосходительство!" произносит Василий и спокойно выпивает все до дна.Мы все улыбаемся.

"Дайте что-либо закусить!"уж весело крикнул он деньщикам и недождавшись,сам бросился к столу,вилкой взял со стола соленый огурец и передал Василию.А потом,дернув меня за полу черкески,отошел в комнату и спрашивает:- "А может-быть наградить его Георгиевским крестом?"

"Это было бы очень хорошо,Ваше Превосходительство",вторю ему.Взнув из пакета крест - Науменко выходит за дверь и уж серьезно говорит:

"По представлению твоего начальника полковника Елисеева,награждаю тебя,штаб-трубач Диденко,Георгиевским крестом за сегодняшний бой",и дает его ему.А потом спохватившись,произносит:

"Какая досада,что у нас нет Георгиевских лент!"И - чуть замаявшись - он глянул на свой Георгиевский темляк на шашке.

"Дайте ножницы!" громко крикнул он внутрь комнаты. Казак принес ножницы от хозяйки. И генерал Науменко, командир корпуса, сам лично вырезывает часть ленточки из своего Георгиевского темляка, продевает ее в петличку креста и сам лично прикалывает Георгиевский крест на твердую кожу полубубна Диденко, с ног до головы обрызганного грязью в сегодняшней скачке 1-го Лабинского полка и красной конницы, в преследовании ее, на протяжении "в оба конца", около 20-ти верст.

"Покорно благодарю, Ваше Превосходительство!" все так же спокойным голосом, и с полным достоинством старого служилого казака, отвечает штаб-трубач Василий Диденко, казак станицы Кавказской.

Жест генерала Науменка был замечательный.

- * -

Мы в комнате. Уже скоро будет полночь. Генерал Науменко подписывает приказ по корпусу, передает его мне и просит тут-же прочитать. И я читаю:

"Полковник Кравченко выезжает в отпуск на неопределенное время. Во время командования 2-й Кубанской казачьей дивизии вступить командиру 1-го Лабинского полка, полковнику Елисееву".

Дав некоторые указания - начальство отпускает меня, дав ординарца указать где разместились штаб нашей дивизии.

На улице темь непроглядная и грязь непролазная. Зову к себе Диденко ехать рядом и говорю ему:

"Ну... поздравляю тебя, Василий. Я рад за тебя".

"Покорно благодарю Федор Иванович. Я знаю, что все это Вы сделали, но как вспомнишь, что чуть был не разстрелян... и ни за что... да еще своими-же казаками - аж плакать хочется", отвечает он.

Я его успокаиваю, и говорю, что теперь все окончено. Он вновь благодарит и просит разрешения "осадить своего коня назад". Я понял, что ему легче и приятнее - молча, и одному, созерцать настроение своей души и мыслить о том - что с ним случилось в эти немногие дни...

- * -

Я здесь закончу о дальнейшей судьбе, столь трагической в эти дни и потом, штаб-трубача Василия Диденко.

Со мною он отступил до самого побережья Черного моря, состоя и штаб-трубачем и одновременно конным вестовым. Там он заболел тифом. Где-то увидел его больного на подводе. На мое приветствие он посмотрел в мою сторону блуждающими глазами и, видимо, не узнал меня. Худой, небритый - он был жалок видом. В таком физическом состоянии он остался с капитулированной Кубанской армией и вернулся в свою станицу, работал и был убит в степи "неизвестными". Его подвода с двумя лошадьми не вернулась домой... и много дней спустя, труп его нашли недалеко от дороги, в подсолнечниках, привлекая к себе проезжаго разложившийся тленными зловонием...

Так рассказал мне здесь казак-станичник "новой эмиграции".

В ШТАБЕ СВОЕЙ ДИВИЗИИ.

Была полночь, но там еще не спали. Мой старый добрый друг полковник А.И. Кравченко был смущен, но нисколько не печалился своим отстранением от должности. Он сознал и признался, что тогда "несообразил", что надо было атаковать красных в хвост и во фланг. И пожаловался мне по-дружески, что "Генерал Науменко здорово распек его"... что и было резинно.

Он завтра выезжает в свою Гиагинскую станицу Майкопского Отдела "отдохнуть", а когда вернется в свой 1-й Кубанский полк - не знает.

Начальник штаба дивизии переписал приказ по корпусу о новом назначении. Вторым параграфом приказа по дивизии были указаны пункты, которые должна занять дивизия "на случай тревоги".

Подписав этот приказ, чем фиксировал свое вступление во временное командование 2-й Кубанской казачьей дивизией, распрощался с А.И.Кравченко - ночевать выехал в свой полк, что-бы не смущать предшественника. Завтра рано утром он выезжает "домой".

Окрыленные успехами - мы и не предполагали, что завтра красные вновь перейдут в решительное наступление на станицу Дмитриевскую и 1-й Лабинский полк, своею конною атакою на глазах всего штаба корпуса - полностью пленит всю пехоту красных.

Незабываемая атака, которая будет описана в следующей брошюре №3, как будут подробно описаны и последующие события, до капитуляции Кубанской армии включительно..

Полковник Елисеев.

Написано в мае 1941-го года, г. Сайгон, Индокитай, бывшая Французская колония и сокращенно издано в Нью-Йорке, в ноябре 1962 года.

- * -

В этом году выпущено три интересных книги о бывлой Кубани, которые должны быть интересны многим Кубанским казакам. Перечисляю их с указанием стоимости и адреса, откуда их можно выписать:

1. - "Записки Белаго Партизана" генерала А.Г.Шкуро. 286 стр. Цена 3 дол. 30ц. Выписывать по адресу:

Mr. S. Kashkin, P.O. Box 68, Bellerose 26, L.I., N.Y.

2. - "Три года революции и гражданской войны на Кубани" - Д.Е.Скобцова, казак станицы Урупской. 220 стр. Цена 3 дол. 50ц.

Адрес:

Mr. D. Skobtzoff, 77 rue Lourmele, Paris 15e, France.

3. - "Жизнь и судьба одного казака" - автор Г.А.Солодухин, казак станицы Ильинской, джигит и танцор. Много снимков. 213 стр., цена - 2 дол. 50ц.

Адрес:

Mr. G. Soloduhin, c/o Mr. Matvienko
1830 Washington Ave, Room 25
New York 57, N.Y.

В книге генерала Шкуро - его дивный портрет, еще мало кому ведомый. Книга написана живо и увлекательно.

- * -

Некоторые казаки запросили - какой станицы гвардейцы и Георгиевские кавалеры, что помещены на обложке? И как их фамилии, т.к. все они "под номерами".

Ответ будет дан в последней брошюре "о Лабинцах".

Ф.Елисеев.